

СМЕЛОЕ СЕРДЦЕ

(К 5-летию со дня смерти)

Эффенди Капиев никогда не искал для себя легких дорог. «...И писатель подобен птице, — говорил он. — *Птице легче лететь, когда ветер дует ей в грудь*».

Трем правилам неизменно следовал он в жизни: смело идти навстречу будущему; шагать, не отставая от времени; все видеть самому, — активно вмешиваться в жизнь. В любое дело, за какое он брался, Эффенди Капиев вносил живую страсть бесстрашного писательского сердца, новизну, творческое дерзанье.

Он начал литературную работу с переводов. Горец, дагестанец по рождению, он отлично знал народное творчество своей страны, собирал его и переводил на русский язык. Кроме того, несколько лет подряд он был постоянным переводчиком известного народного поэта Дагестана — Сулеймана Стальского. Казалось бы, деятельность вполне мирная, текущая в давно изученных, отлогих берегах!..

Ведь в те годы, когда начинал Капиев (1932 — 33), еще многие, идя по стопам фольклористов буржуазной школы А. Веселовского, полагали, что собиратель безымянного народного творчества прошлого или фольклорист, записывающий творения ныне здравствующих народных певцов, — это всего-навсего некий беспристрастный Нестор-летописец, лишь равно, с непоколебимым спокойствием отмечающий и важное и неважное, и мертвое и рождающееся, и доброе и злое.

Эффенди Капиев понимал свою задачу иначе. Поставить фольклор на службу советскому народу. Брать из устного песнетворчества прошлого только то, что помогает интересам великого дела построения социализма. Отметать все косное и отжившее. Действенно влиять на развитие нового советского фольклора. На этих основах отбирал и переводил он песни для своего томика стихов «Резьба по камню», обратив книгу к будущему, а не к прошедшему, беря из прошлого лишь созвучное, а не отзвучавшее. Так же, вопреки всяким писанным и неписанным правилам, взял он на себя смелость вмешаться в творческую работу Стальского. «Подмастерье» бережно и ненавязчиво помогал народному певцу, направляя его песню, если видел и чувствовал, что старый «мастер» один не справляется порой с огромными требованиями, предъявляемыми к нему Родиной и временем, столь небывалым по богатству и насыщенности событий.

Кабинетные ревнители фольклора дали тогда бой молодому новатору, дерзко вторгнувшемуся в их тихие фольклорные заводы. Они обвиняли его в незаконности и недопустимости подобного вмешательства. Они приписывали ему фальсификацию фольклора. «Позвольте, — примерно так говорили они. — Что же это такое! Капиев извращает поэзию Дагестана. Его переводы — обман. Мы требуем строгого соблюдения подлинника: слово в слово. Буква в букву!»

И вот что ответил в речи на Всесоюзном съезде фольклористов молодой писатель этим хранителям закоснелых форм и ревнителям заплесневелых методов: «...Есть люди, идеализирующие в фольклоре архаизмы и древние формы. Речь идет о кабинетных фольклористах. Они готовы культивировать окаменевшие формы, уже давно не звучащие, чуждые времени и духу времени, рожденные в незапамятном быту, быть может, тогда и к месту, но ныне ставшие нелепыми, как нелепы деревянные плуги... А между тем, фольклор, как и язык, как и все живое на земле, развивается и движется вперед, ищет и находит новые эпитеты, новые образы. Освободить новый советский фольклор от условностей старой формы — это задача дня! Дать возможность людям смело экспериментировать! Всегда и во все времена обогащали науку лишь дерзкие люди, творцы, ломающие старые понятия, не примиряющиеся со старым. Сегодня стираются древние рамки и понятия о фольклоре. Рождается новая великая народная литература, которая есть и будет состоять из слияния фольклора и письменной литературы. Разве не являются тому ярким примером Сулейман Стальский, Джамбул Джабаев, Крюкова и другие? Являются! Чтобы понять это, почувствовать, увидеть, нужно лишь обладать чувством нового и внимательно оглядеться вокруг... Не надо бояться экспериментировать! Не надо топтаться на месте; не тянуть назад, а быть на уровне

своего дня, своей эпохи, своего народа. Рождается новый, советский фольклор, рождается небывалая народная советская литература, и здесь нет заранее предусмотренных правил. Слава новому!..»

Славя новое, Капиев выдержал и выиграл этот бой. Его талантливая книга «Резьба по камню» и сейчас может служить образцом подлинного переводческого искусства, потому что в ней живет не буква, а дух подлинников. Его переводы из Стальского продолжают печататься, читаться, петься, и давно уже стали достоянием школьных хрестоматий по литературе. Его тезисы о работе в области народного творчества и сейчас звучат свежо и остро.

Время не осудило писателя. Сама жизнь решила спор в его пользу.

Ни в едином слове не был он равнодушным!

Он мог писать только о том, что крепко полюбил, возненавидел или выстрадал, что досконально знал. Не будь проникновения и вмешательства писателя в область фольклора, в тайники творчества народного певца, невозможно было бы появление второй после «Резьбы по камню» книги Капиева — «Поэт», которая открыла советскому читателю обаятельный, многогранный образ певца из народа.

Берясь за эту, никем не поднятую до него тему, Капиев понимал всю трудность задачи. Опасно было впасть в бытописание, в простое фотографирование, опасно тем более, что Стальский стал в какой-то мере, фактом биографии самого Капиева. И вот: «Еще раз повторяю, — говорил писатель художнику, иллюстрировавшему книгу, Николаю Лакову, — Сулейман не должен быть с портретным сходством, — ты угрозишь идею всей книги. Наш герой должен быть в типе Стальского, — почти Стальский, но выразительней, гораздо острее и колоритней, чем Сулейман. Ты понимаешь, это должен быть обобщающий образ народного певца (человека из народа, сына Кавказа), образ нарицательный, который (дай бог нам силы!) должен войти в литературу, как Кола-Брюньон или Дон-Кихот. Не бойся быть дерзким, не трепещи перед славой Стальского — твори!»

Об этой же творческой дерзости говорил писатель и в авторском предисловии к своей книге. И именно эта смелость мысли вместе с удивительным умением *видеть*, подмечать в жизни вновь рождающееся, передовое, светлое, помогли ему создать правдивый, гармонический образ нового советского человека, и вместе с тем, новый литературный тип — певца из народа. В своей работе он неизменно следовал прекрасному завету великого художника пролетариата — Максима Горького: расцветить красоту ростков добра, которые — будем верить! — со временем разрастутся пышно и ярко»,*) — завету, ставшему одним из основных положений метода социалистического реализма.

Однако не только в этом сказалось новаторство писателя. Своеобразие темы, мысли способствовало к своеобразию формы книги.

Горская литература до революции почти не знала прозы. В Дагестане были прекрасные поэты: Махмуд, Батырай, Ирчи-Казак — бунтари, протестанты, певцы любви и гнева. Проза возникла и окрепла только после Октября. Но зато издревле богаты были в горах прозаические жанры устного творчества: сказки, притчи, легенды, пословицы, поговорки и поучения. В «Поэте» этими золотыми узорами народной мудрости расшита каждая строка. Они-то и придают книге национальную форму и колорит. Есть в «Поэте» новеллы, как «Четыре притчи», целиком построенные на мотивах народного творчества. Меткая, афористичная речь героя от начала до конца пронизана крылатыми народными выражениями. Вся книга написана певучим, звучным языком. Изящество ее языковой интонации — несомненно от живой народной речи.

Это одно. И дальше. Эффенди Капиев с полным основанием мог бы приложить к себе гордые горьковские слова: «Все, что дано миру отошедшими из него — дано мне!» Воспитанник комсомола и советской власти, советский гражданин, которому открыты все лучшие духовные ценности земли, — он был далек и чужд национальной замкнутости и ограниченности. Отличительной его чертой была страстная влюбленность в русскую культуру, в русских писателей: Чехова, Толстого, Тургенева; и великий русский язык, обращаясь к которому, он восклицал: «Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя и отныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия! Прости мои ошибки, если они грубы, прости и заблуждения отцов. Без тебя нет и не было будущего, с тобой мы воистину всемогущи!»

Восточную цветистость и яркость повествования Капиев подчинил строгой точности и простоте русской классической литературной речи, всегда стремясь добиться при том наибольшей верности и правдивости художественного изображения. Это было одним из своеобразнейших качеств его писательской работы.

Необычаен сам склад книги «Поэт». В ней читатель найдет и рассказ-монолог — «Кремль», и дневниковые записи, сделанные от лица автора книги — «Свет жизни», и очерково-точное описание — «Земля», и лирическую новеллу — «Вечер», и психологические этюды — «Времена года», и народную притчу, и, наконец, краткие, в две — три строки «заметки на полях». Если бы произведение, в целом, не было строго подчинено единству мысли и темы, это несомненно привело бы к эклектизму формы, к стилистической разногласии. В «Поэте» все многообразие приемов звучит в одном ключе, вполне гармонично, потому что оно не формальный изыск, а лишь художественный способ более яркого выражения идеи автора.

При всей, кажущейся, свободе письма, Капиев сам очертил для себя точные рамки избранного им бессюжетного жанра психологической новеллы.

---

*) Предисловие Горького к неосуществленному изданию «Сказок об Италии» 1919-20 годов.

В 1940 году, работая над «Поэтом», он, подшучивая над собой, написал своему другу критику С.Трегубу «Вы пишете мне, что устали ждать книгу. Да. Медленно идет трактор. Это несчастье — писать «ни о чем». Иногда у меня так и рвется рука, заставить Сулеймана дать кому-нибудь по спине посохом. Или вот, давно мне хочется поджечь его саклю. И чтоб была зима, чтоб была ночь, чтоб Сулейман выбежал во двор в одних подштанниках, босиком и с посохом. Чтоб старуха в панике металась по террасе с самоварной трубой в руках... Ну, хоть какое-нибудь событие! Увы! Мой удел писать о том, как встал Сулейман, как сел Сулейман, как (это максимум) насупил брови и ответил что-то собеседнику...»

Ничего лишнего, ничего затемняющего мысль и идею книги! Ничего развлекательного! Сам строго определив границу жанра, Капиев, во имя художественной правды и целостности образа, ни разу не вышел за рамки психологической настроенности радостного и стройного гимна, написанного им во славу свободного творца-человека на свободной социалистической земле.

Он никогда не ходил по околицам жизни, но всегда рвался в самую гущу ее, в кипенье.

По давней трудной болезни он был освобожден от военной службы, и когда грянула Отечественная война, первое время находился в тылу, ведя пропагандистскую работу, выпуская «Окна Тасс», агитплакаты... На фронт Капиев впервые попал в январе 1942 года. Политуправление Северо-Кавказского военного округа командировало его, совместно с С. Бабаевским, в подшефную Орджоникидзевскому краю кавалерийскую дивизию, для написания очерков о героических боевых делах терских и ставропольских казаков. «Счастлив и радуюсь, что нахожусь со всеми здесь на фронте, — писал он домой. — Здесь каждая мелочь мне дорога, — я не хочу возвращаться до тех пор пока не напитаюсь дымом и громом...»

По возвращении он написал для книги несколько очерков. Она называлась «Казачьи на фронте» и вышла в Пятигорске летом 1942 года.

Тяготясь жизнью в тылу, Капиев, однако, недолго оставался в бездействии. Когда фашисты прорвались на Кавказ, он, осенью того же года, добровольно уходит в армию и работает военным корреспондентом в газете Северо-Кавказского фронта «Вперед за родину». Долг писателя в этой жестокой, беспощадной, самой справедливой из войн, он видел в том, чтобы быть в бою вместе с народом. Беспрекословно выполняя любое черновое задание редакции, никогда не жалуясь на мучившие его боли, и здесь, верный своему правилу, писатель не искал для себя легких, обходных путей. «Остаюсь рядовым до конца, — пишет он в фронтовом блокноте. — Принципиально. Хотя это и очень трудная задача».

Считая святой обязанностью писателя быть очевидцем и деятельным участником происходящих неповторимых событий, он замечает: «Во время войны никто не должен иметь права говорить: «слышал», «говорят», а только: «видел!»

С неутомимым постоянством и последовательностью ведет он на фронте свои записные книжки, которые с полным правом могут быть названы дневниками писателя, потому что содержат множество записей личных, полны строгими мыслями о себе, о своей работе и об отношении к окружающему. Высокая писательская требовательность — отличительная черта их автора: «Не надо выдумывать. Надо быть честным, — каждая строка — истина. Не только рассказывать, но и звать!»

Однако преобладают в них все же записи иного порядка: сюжеты, детали, наблюдения, зарисовки виденного, сделанные налету. Героизм рядового воина Советской Армии, героизм трудового

населения в тылу — во всех его проявлениях, великих и малых, трогательных и пафосных, — вот что более всего волнует и привлекает писателя. Во множестве то кратких, то пространных, но всегда взволнованных записей Капиева ярко запечатлелось одно стремление: правдиво воссоздать высокий моральный облик, беззаветный героизм и мужество простых советских людей в Отечественной войне...

Он твердо верил в грядущие торжества победы.

Уподобляя войну пожару, зажженному бандитской рукой, он знал, что пожар будет затушен могучими усилиями советского народа, и бандит получит суровое возмездие... Ночью на фронтовых дорогах, или беседуя в блиндажах с бойцами после боя, или в дни госпитальной скуки, он мечтает о книге, которую напишет через пару лет, в дни мира. Он придумывает для нее название — «Мозаика». В блокнот, рядом с торопливыми корреспондентскими заметками, он вписывает перечень будущих шестидесяти рассказов, которые должны войти в эту книгу. Торжество жизни над смертью — таков ее замысел. Исключительное тематическое разнообразие — такова ее особенность. Вот названия нескольких рассказов, взятые наудачу: «Мать», «Эльхотские ворота», «Прокаженные», «Чайковский», «Моряки», «Казачья песня», «Сталинград»... Писатель думал сделать эти рассказы предельно сжатыми — иные всего в десять — пятнадцать строк, — как маленькие стихотворения в прозе. Многие из них он уже набросал вчерне, и для эпиграфа к книге выписал такие слова: «Отчего твои песни так коротки, — спросили однажды птицу, — или у тебя нехватает дыхания?..— Нет,— ответила птица. — У меня слишком много песен и я хочу успеть поведать их все...»

Смерть сразила Капиева молодым, на пороге больших свершений. Ближайшая работа, которую собирался он делать, ради которой уже совсем больной, накануне отправки в тыловую госпиталь, все снова и снова возвращался на передовую, — была книга «Война и мир», («мир» в смысле «люди», «общество»), в которой он хотел показать нашу страну в бою и в труде, дать почувствовать то единое дыхание, которым жили фронт и тыл. Это должна была быть книга маленьких новелл в несколько строк и документальных описаний, хроникальных записей и стихов, выписок из газет, точных фактов и раздумий, — книга скупая и емкая, как кинохроника. Приступить к работе над ней Капиев не успел. Он скончался в госпитале после неудачной операции в январе 1944 года...

Силу своего смелого сердца он тратил не скупясь, бурно и щедро.

Оттого и горит такой самобытностью, такой молодой верой в людей и светлой любовью к социалистической Родине каждая, написанная им строка.